А.С. Козлов
Екатеринбург

«ВАРВАРЫ» КОМИТА МАРЦЕЛЛИНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ V – НАЧАЛА VI В.

Перед тем как сформулировать цель статьи, сделаю несколько необходимых предварительных наблюдений.

Относимый исследователями, как правило, к так называемым позднеантичным латиноязычным хроникам, «Хроникон» комита Марцеллина[1] уже давно верно служит византинистам, с одной стороны в качестве источника, дополняющего сведения таких крупных авторов как Зосим и Прокопий, с другой – как самостоятельное про-

[1] «Хроникон» Марцеллина (иные имена этого человека, в том числе – личное имя и родовое, нам неизвестны), иллирийца по происхождению, был составлен около 518–519 гг., скорее всего – в Константинополе. Автор сочинения появился в столице Восточной Римской империи примерно в 500 г., до 527 г. занимал престижную должность в канцелярии Юстиниана (т.е. тогда, когда тот еще не был императором). Согласно praefacio к «Хроникону», как concellarius Марцеллин приобрел ранг комита и статус сенатора (vir clarissimus). После 527 г. он, скорее всего, оставил службу, после чего довел «Хроникон» до описания событий 534 г. включительно и сочинил еще по крайней мере три труда, не имеющих отношения к хронистике и до нас, к сожалению, не дошедших. О времени и обстоятельствах смерти Марцеллина мы не имеем даже косвенных данных. Обо всем этом см., прежде всего, введение Т. Моммзена к его (лучшему по сей день) изданию «Хроникона» (MGH, AA. T. XI. Vol. 2. Fasc. I. P. 42). Далее я даю в тексте статьи ссылки на это издание (Marcellini comitis Chronicon) с приведением инициалов автора хроники (М.С.) и указанием на соответствующий раздел его труда – annorum (a). См. также: Schanz M., Hosius C., Krüger G. Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian. München, 1959. Bd. 2. T. 4. S. 112; Marcellinus, 9 // PLRE. 1980. Vol. 2. P. 711; Croke B. The Chronicle of Marcellinus. A Translation and Commentary. Sidney, 1995. P. XIX-XX. На русском языке довольно подробное переложение моммзеновских данных о Марцеллине (но, к сожалению, без учета какой-либо иной литературы) см.: Болгов Н.Н. Марцеллин Комит – автор латинской хроники из Константинополя // Проблемы источниковедения всеобщей истории. Белгород, 2002. Ч. 1. С. 77-84.

изведение, помогающее лучше разобраться не только в эволюции хронографии IV–VI вв.[2], но и в ряде вопросов того, что иногда называют позднеантичной ментальностью.

В качестве примера остановлюсь только на одном небольшом сюжете. «Хроникон», охватывая события, происходившие преимущественно в Восточном Средиземноморье с 379 г. и, прежде всего, – в Константинополе[3], немало внимания уделяет взаимоотношениям империи с народами, находящимися как внутри нее, так и за ее пределами[4]. Но сразу бросается в глаза, что Марцеллин при этом предельно скупо (всего дважды!) использует термин «варвары», весьма фундаментальный для античной этнологической и политической традиции. Интересно и то, что оба случая употребления данного понятия касаются в принципе одного явления – пребывания «варваров» в Константинополе.

Для определения содержания, вкладываемого хронистом в интересующий нас термин, прежде всего, помогает рассказ о так называемом «заговоре» презентального магистра Гайны в 399–401 гг. (M.C.a.399.3). Последний, находясь в Константинополе, «побуждает тайно своих варваров», предуготовляя гражданскую войну (ad praeperandum civile bellum). Под barbaros suos имеются в виду отнюдь не единоплеменники Гайны, хотя тот и был готом, а определенная часть подчиненных ему подразделений, состоящих преимущественно из готов-грейтунгов[5]. Сообщая

---

[2] См. об этом: Holder-Egger O. Die Chronik des Marcellinus Comes und die oströmischen Fasten // Neues Archiv der Gesellschaft für älteste deutsche Geschichte. Hannover, 1977. Bd. 2. S. 49-56; Croke B. City Chronicles of the Late Antiquity // Reading the Past in Late Antiquity / Ed. G. Clarke, B. Croke, R. Mortley, A. Emmett Nobbs. Sidney, 1990. P. 165-202; Croke B. Christian Chronicles and Byzantine History, 5th–6th Centuries. L., 1992.

[3] См.: Croke B. The Chronicle of Marcellinus... P. XXI; Козлов А.С. Комит Марцеллин о позднеантичном городе // АДСВ. 1992. Вып. 26. С. 46-55.

[4] Примеры наиболее продуктивного использования подобных данных Марцеллина (в сравнении с соответствующим материалом других источников) см.: Croke B. Evidence for the Hun Invasion of Thrace in AD 422 // GRBS. 1977. T. 18. P. 347-367; idem. Justinian's Bulgar Victory Celebration // BS. 1980. Vol. 41. P. 188-195; idem. Anatolius and Nomus. Envoys to Attila // BS. 1981. Vol. 42. P. 159-170; idem. Mundo the Gepid. From Freebooter to Roman General // Chiron. 1982. Vol. 12. P. 125-135. См. также: Козлов А.С. Комит Марцеллин, Виктор Туннунский и Марий Аваншский о «чужих» народах // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 60-91.

[5] См. об этом: Demougeot E. De l'unité à la division de l'Empire romain 395–410. Essai sur le gouvernement imperial. P., 1951. P. 252; Demandt A. Magister militum // PWRE. 1970. SplBd. XII. Sp. 773 u. folg.; Albert G. Goten in Konstantinopel.

о сражении, произошедшем после этого в столице, Марцеллин прямо называет этих «варваров» «неприятелями» (hostum), которые попытались найти убежище в православной церкви (примечательно указание – ecclesiae nostrae succedunt), где и были перебиты[6]. Прямое указание на то, что «варвары» «тирана» Гайны – готы, содержит статья, повествующая об окончательном подавлении мятежа (M.C.a.400). Т.е. идентификация «варваров» с готами здесь весьма определенная. Но дело не только в этом.

Конечно, «заговор» и мятеж Гайны – весьма важный момент политического кризиса Восточной Римской империи конца IV в., наиболее пристально изучаемого в хорошо известных специалистам трудах А. Гюльденпеннинга, О. Зеека, Э. Штейна, К. Закжевского, Л. Шмидта, С. Маццорино, Э. Демужо и Г. Алберта (наиболее подробно – в работах двух последних историков). Но вопрос, почему «Хроникон» Марцеллина, по сути завершающий позднеантичную традицию в изображении «заговора», называет «варварами» прежде всего именно подчиненных Гайны, историография даже не ставит. Между тем не просто обстоит дело с употреблением этого термина в соответствующем контексте памятников, составляющих эту традицию, – в сочинениях Синесия Киренского, Сократа Схоластика, Эрмия Созомена, Феодорита Киррского и, конечно, самого подробного на этот счет, Зосима. (Эксцерпты из труда Иоанна Антиохийского – не в счет, ибо, мягко говоря, весьма вторичны, да и восходят к названной традиции, сами по себе составляя один из плодов византийского средневекового «энциклопедизма»). Отсюда цель статьи – попытка рассмотреть функционирование термина «варвары» в описаниях «заговора» Гайны, оставленных поздиеантичными сочинителями, и пронаблюдать, не выведут ли эти функции на определенные обобщения по отношению к самой исторической традиции изображения «заговора» в V – начале VI в.

Возвращаясь к комиту Марцеллину, завершающему, повторю, указанную традицию, следует отметить, что вторично (и в последний раз) термин «варвары» используется им в рассказе об их попытке поджечь в 431 г. столичную православную церковь, под которой подразумевается, скорее всего, св. София[7]. Поведение «варваров» характеризуется отрицательными терминами в их адрес – hostili ritu , infesti (M.C.a.431.2).

Untersuchungen zur oströmischen Geschichte um das Jahr 400 n. Chr. Paderborn, München, Wien, Zürich, 1984. S. 126-134.

[6] Подробнее анализ ситуации см.: ALBERT G. Goten in Konstantinopel... S. 128-139; CAMERON A., LONG J. Barbarians and Politics at the Court of Arcadius. Berkley, Los Angeles, London, 1993. P. 385, n. 254.

[7] Ср.: CROKE B. The Chronicle of Marcellinus... P. 79.

Опять-таки, как и при описании мятежа Гайны, это не некие вторгшиеся через границу откровенные враги, а «варвары», «взлелеянные священным Городом» (urbe augusta enutriti). Святотатцы, по Марцеллину, наказываются Богом – убивают друг друга.

Возникает впечатление, что оба рассказа во многом связывают отрицательное поведение «варваров» с ситуацией вокруг ecclesia nostra. Во всяком случае, Марцеллин тем самым подчеркивает неправославность (если не антиправославность) «варваров», их конфессиональную и поведенческую чуждость. Правда, если принять во внимание идентификацию «варваров» и готов в сообщении о мятеже Гайны, то получается, что в «Хрониконе» негативная наполняемость этих понятий не абсолютна. Например, готы отнюдь не выглядят отрицательно в констатации того, что «все племя готов ... предалось Римской империи» после смерти их короля Атанариха, с которым император Феодосий I заключил договор (M.C.a.381.2; 382.2). И в другом пассаже – король гуннов Ульдин и король готов Сар «наголову разбили Радагайса», создавшего угрозу для Италии (M.C.a.406.3).

Если, однако, обратиться к представлениям хрониста об этнической чуждости тех же готов, то в первую очередь стоит обратить внимание, насколько он ассоциирует это «племя» с определенными географическими ориентирами. В свое время я уже подчеркивал, что Марцеллин реже всего фиксирует первоначальное местообитание конкретного народа. Надо также оговориться, что хронист в подобных случаях говорит, например, не о готах или об иных каких-то народах, а об их предводителях. Эти «короли готов», как правило, в «Хрониконе» откуда-то приходят, но откуда – обычно не указывается. Является в Константинополь союзный Феодосию I король готов Атанарих (M.C.a.381.2). Отправил в Грецию Алариха, короля готов, временщик Руфин (M.C.a.395.4). Тот же Аларих нападает на Рим и, разграбив его, уходит, – куда «уходит» и откуда «напал», хронист не уточняет (M.C.a.410). «Овладевает» Римом «король готов» Одоакр (M.C.a.476.2). Свирепствует в Греции «король готов» Теодорих (M.C.a.479.2); откуда он туда явился, читателю «Хроникона» опять-таки неведомо. Почти до Константинополя доходит «король готов» Теодорих, сын Триария, – после того как «был принят своими»; далее этот Теодорих спешит в Иллирик, но по дороге нелепым образом погибает (M.C.a.481.1). Теодорих Валамер (читателю опять-таки приходится догадываться, не тот ли это король, что свирепствовал в Греции) опустошает Македонию и Фессалию; он же, получив от императора Зинона пост magister praesentis militiae, «завладел на некоторое время» частью Рипенской Дакии и Нижней Мезией (M.C.a.482.2; 483).

Исключение из приведенного ряда оставляют, во-первых, сообщение о враждебном рейде этого короля на Константинополь, до городка Меленьтиады, после чего Теодорих возвращается к городу Новонзе, в Мезию, «откуда прибыл» (М.С.а.487), – во-вторых, статьи о начале его похода в Италию и о захвате этой страны (М.С.а.488.2; 489). Названное исключение относительно – ведь Мезия не являлась первоначальным местообитанием готов Теодориха, сына Валамера. Указание на это содержится не только в уже названном сообщении о предоставлении Нижней Мезии Теодориху правительством Византии, но и в словах о том, что Теодорих попал в Италию «после того, как им было принято к себе большое число всех его готов» (М.С.а.488.2).

Отсутствие сведений о первоначальном местообитании каких-либо неримских народов, вторгавшихся в империю, касается в «Хрониконе» также сюжетов, относящихся к гуннам, булгарам, в некоторой степени – к вандалам[8]. Следует оговориться, что неупоминания Марцеллином исходной географической или топографической точки политического действия (например, похода) какого-либо лидера хотя в известной степени и распространяются на описание деяний некоторых римских императоров и полководцев, но не могут анализироваться в одном ряду с вышеупомянутыми эпизодами (так как последние касаются, прежде всего, внеимперских этносов). Уже поэтому отсутствие в них указанной топографической информации может тяготеть к присущей античному и классическому византийскому императиву представлений о чуждости внеимперских народов, единых в своей первоначальной удаленности от римской цивилизации.

Если же продолжить рассмотрение содержания этнонима «готы» у Марцеллина в связи с иными фундаментальными терминами (и этим самым в определенной степени продолжая раскрывать понятие «варвары»), то следует обратить внимание на одну из первых статей «Хроникона», где сообщается, что Феодосий I победил «скифские народы» (gentes Scythicas) аланов, гуннов, готов (М.С.а.379.2). Дело не только в том что Марцеллин архаичным этниконом «скифы» обозначает современные ему племена[9]. Если иметь в виду, что как раз в предыдущей

---

[8] См. об этом: Козлов А.С. Комит Марцеллин, Виктор Туннунский и Марий Аваншский... С. 72-73.

[9] Обстоятельный анализ использования античной этнотерминологии византийскими авторами см.: Dietrich K. Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde. Leipzig, 1912. Bd. 1. S. XVII-XVIII; Бибиков М.В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М., 1981. С. 42 и сл.

статье (M.C.a.379.1), по сути – кратком панегирике Феодосию, этот император воспевается, прежде всего, как «муж весьма религиозный, распространитель православной церкви, а потому достойный быть поставленным выше всех восточных государей», то возникает впечатление, что «Хроникон» связывает конфессиональные и организационные качества правителя с успешностью его борьбы с упомянутыми «скифами», частью которых являлись готы, т.е. никто иные как «варвары», способные на поджог православных храмов и т.п. И хотя у Марцеллина жесткая сюжетная и смысловая зависимость между статьями, помещенными под одним годом, встречается редко, в данном случае оба сообщения крепко связаны характеристикой общего героя, императора Феодосия. Правда, следует оговориться – никаких отрицательных эпитетов к побежденным «скифским народам» хронист здесь не прилагает. Тем не менее, указание на видимость взаимосвязи побед над «скифами» с благочестием Феодосия содержится в следующем по композиции «Хроникона» эпизоде. Император, «после того как получил триумф над скифскими народами», немедленно прогнал из «церкви православных людей» ариан, а храм возвратил nostris catholicis (M.C.a.380).

Отрицательные качества «скифов» можно уловить в других сюжетах хроники. Так, Радагайс, вторгшийся в Италию с «тысячами своих людей», характеризуется как «язычник и скиф» (M.C.a.406.2). Налицо опять-таки намек на связь между чуждой этничностью и негативным вероисповеданием. Но связь эта в «Хрониконе» может быть и не прямолинейной. Например, пронзенный «скифским железом», гибнет в ночной битве (где-то в Иллирике или во Фракии)[10] полководец Юлиан (M.C.a.493.2), но метафорическую аналогию указанному «скифскому железу» можно увидеть в «гетском ноже», которым зарезал спящего нерадивого полководца Кирилла мятежник Виталиан (M.C.a.514.3). Аналогия выглядит вполне убедительной, если учесть, что в рассказе о начале мятежа Виталиана последний назван «скифом», который заступился, «изволите ли видеть, за веру православных и за епископа... Македония, напрасно сосланного императором Анастасием» (M.C.a.514.1).

Еще раз Виталиан демонстративно назван «скифом» в сообщении о том, как он «по доброте государя Юстина» вернулся к высшим государственным должностям (M.C.a.519.3). Таким образом, не смотря на откровенную неприязнь Марцеллина к религиозной и церковной по-

---

[10] Ср.: Joannis Zonarae Epitomae historiarum / Ed. L. Dindorf. Lipsiae, 1840. Vol. 3. P. 137.11-13.

литике Анастасия, делавшего уступки монофиситам[11], Виталиан, формально выступавший против подобных шагов императора, подан «Хрониконом» отнюдь не с положительной стороны. Особенно примечательно употребление слова scielistet для характеристики «заступничества» мятежника за православие. Примечательно и само применение архаичного этникона «скиф» к Виталиану, чье римско-готское происхождение было достаточно известно[12]

Таким образом, именование человека «скифом» носит у Марцеллина отрицательную нагрузку, насыщенную вдобавок конфессиональным отчуждением.

Ничего подобного мы не наблюдаем в сочинениях Синесия Киренского, имеющих отношение к рефлексии византийцев относительно кризиса 399–401 гг.[13] Как известно, в знаменитой речи Синесия «О царстве», формально принадлежащей к жанру στεφανωτικοὶ λόγοι[14] произнесенной перед императором Аркадием в 399 г.[15] и защищавшей, наряду с прочим, позиции и взгляды на кризис (в обстановке тогдашней борьбы за власть) префекта претория Аврелиана[16], содержится специальный раздел, посвященный угрозе империи со стороны варваров, служащих в римских вооруженных силах (Synes. De regno, 19-21)[17]. Синесий считает, что император может возглавить войско, набранное только из действительно пре-

---

[11] Charanis P. Church and State in the Later Roman Empire: Religious Policy of Anastasius 491-518. Madison, 1939. P. 41-42, 54-56 f.; Frend W.H.C. The Rise of the Monophysite Movement. Chapters in the History of the Church in the Fifth and Sixth Centuries. Cambridge, 1972. P. 183, 191 f.

[12] См. об этом: PLRE. P. 1174.

[13] См.: Dvornik F. Early Christian and Byzantine Political Philosophy. Origins and Background. Washington, D.C., 1966. Vol. 2. P. 699-705; Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. К истории общественно-политической мысли. Л., 1991. С. 144. Речь «О царстве» и трактат «О провидении» использовались мной по изданию: Synesii Cyrenensis Opuscula / Rec. N. Terzaghi. Romae, 1944 (далее – De regno и De providentia).

[14] См.: Lacombrade Ch. Le discours sur la royauté de Synésios de Cyrène à l'empereur Arcadios. Traduction nouvelle avec introduction, notes et commentaire. P., 1971. P. 83-84.

[15] Lacombrade Ch. Le discours... P. 16; Lacombrade Ch. Notes sur aurum coronarium // Revue des études anciennes. 1949. T. 51. P. 58.

[16] См.: Grützmacher G. Synesios von Kyrene. Ein Charakterbild aus dem Untergang des Hellenentums. Leipzig, 1913. S. 38; Lacombrade Ch. Le discours... P. 22-25. Имеется в виду первая префектура Аврелиана – до апреля 400 г. (разделяемая с августа по конец декабря 399 г. с Евтихианом). См. об этом: Albert G. Goten in Konstantinopel... S. 47 u. folg.

[17] Подробнее см.: Ibid., S. 54-63.

данных ему людей, в то время как лояльность со стороны подразделений, состоящих из «скифов», весьма сомнительна (Synes. De regno, 19). Этноним «скифы» и термин «варвары», охотно применяемые киренцем в этой речи, фактически оказываются синонимами. Примечательно и то, что сочинение практически свободно от метонимической передачи указанных названий (применительно к родине, оружию, характеру варваров), что снижает в них литературно-экспрессивную, но усиливает историко-фактологическую нагрузку. Синесий определенно указывает на присутствие «варваров» в регулярных римских соединнениях (ἀπαξιοῦντας ἐν ἁπάσῃ τάξει τὸ βάρβαρον), а также на их компактные, этнически гомогенные группы в армии империи (νεότητα πολλὴν ἑτερότροφον ἔθεσιν ἰδίοις χρωμένην ἐν τῇ χώρᾳ τὰ πολέμια μελετῶσαν)(Synes. De regno, 19). Откровенные намеки на Гайну содержатся в призыве запретить варварам доступ к высшим должностям, удалить их из сената, – а также в прямом указании на полководца, одетого в звериные шкуры, но командующего воинами, одетыми в хламиды; в возмущении «варварами», накинувшими тогу поверх грубого плаща и восседающими в первом ряду после консулов (Synes. De regno, 20). Г. Алберт справедливо указывает, что Синесий в данном случае имеет в виду должность magister militum, сопряженную с получением сенаторского титула illustres и стоявшую рангом ниже только должности консула или консуляра[18]. Намек на мятеж грейтунгов под руководством Трибигильда в Малой Азии, возможно, содержится в фразе – ἀκροβολισμοί τινες ἤδη γίνονται καὶ φλεγμαίνει μέρη συχνὰ τῆς ἀρχῆς (Synes. De regno, 19), но прямого соотнесения этого эффектного пассажа с конкретными личностями варваров, облеченными высшей властью, в речи Синесия не содержится.

Следует согласиться с Е.П. Глушаниным, полагающим, что Синесий сознательно сгустил краски относительно изображения степени варваризации византийской армии, используя это как средство полемики для защиты позиции группировки Аврелиана[19]. Но вряд ли подобная полемика отражала противоречия между армией и сенатом, как полагает Ж. Дагрон[20], тем более что однозначную линию сената в отношении

---

[18] Albert G. Goten in Konstantinopel… S. 55-56.

[19] Глушанин Е.П. О некоторых причинах появления антиварварских настроений в общественно-политической мысли Византии конца IV – начала V в. // АДСВ. 1987. Вып. 23. С. 14-25; idem. Politik Theodosius' I und die Hintergründe des sogenannten Antigermanismus im Oströmischen Reich // Historia. 1989. Bd. 38. Hf. 2. S. 244.

[20] Dagron G. Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1974. P. 204-205.

кризиса 395–401 гг. проследить невозможно. Что до «антигерманизма» Синесия, завоевавшего заметное место в историографии[21], то он оказывается весьма ограниченным, если учитывать позицию киренца в отношении «скифов» в его трактате-«романе» De providentia.

Не касаясь всех сложностей данного сочинения как исторического источника (а они гораздо существеннее, чем у речи «О царстве»)[22], все же отмечу, что большинство исследователей видит прообраз героя трактата, Осириса, в Аврелиане, а прообразом «предводителя скифов» считают Гайну[23]. Очень сложна интерпретация прообраза Тифона, врага Осириса; во всяком случае, видеть в его злодеяниях отражение действий Кесария, противника Аврелиана и его преемника на посту префекта претория, однозначно нельзя[24]. Но, как бы то ни было, бросается в глаза, что употребление здесь Синесием терминов «варвары» и «скифы» весьма схоже со значением этих понятий в «De regno», – с той разницей, что негативизм их весьма скромен (в отличие от крайне отрицательных характеристик Тифона и его сторонников). Жена Тифона ложно оговаривает Осириса перед супругой предводителя «варваров» – с тем, чтобы возмутить последнего. Но и тогда «скиф» жалуется, что выступает против Осириса не по доброй воле, а по необходимости (De prov., I, 15). «Варвары» отказываются жестоко обойтись с выданным им Осирисом, оставляя у того даже его имущество (De prov., I, 16). Когда они решают покинуть город (= Константинополь), то делают это без злого умысла (De prov., II, 1). Кстати, именно последний тезис целиком противоречит трактовке событий июля 400 г. у Зосима, Сократа Схоластика и Созомена [изображавших ретираду

---

[21] STRAUB J. Die Wirkung der Niederlage bei Adrianopel und die Diskussion über das Germanenproblem in der spätrömischen Literatur // Idem. Regeneratio imperii. Aufsätze über Roms Kaisertum und Reich im Spiegel der heidnischen und christlichen Publizistik. Darmstadt, 1972. S. 214-216; VOGT J. Kulturwelt und Barbaren. Zum Menschheitsbild der spätantiken Gesellschaft. Wiesbaden, 1967. S. 24 u. folg.; LIZZI R. Significato filosofico e politico dell'antibarbarismo sinisiano. Il «De Regno» e il «De Providentia» // Rendic. Accad. Archeol. lett. e bell. arti. Napoli, 1881. T. 56. P. 49-62.

[22] См.: NICOLOSI S. Il «De providentia» di Sinesio di Cirene. Studio critico e tradizione. Padua, 1959; DAGRON G. Aux origines de la civilisation byzantine: Langue de culture et langue d'Etat // RH. 1969. № 241. P. 30-33; ALBERT G. Goten in Konstantinopel... S. 71.

[23] NICOLOSI S. Il «De providentia»... P. 57-58; PLRE. P. 128, 380.

[24] Ср.: SEECK O. Studien zu Synesios // Philologus. 1893. T. 52. S. 452 u. folg.; idem. Die Reichspräfektur des vierten Jahrhunderts // Rheinisches Museum für Philologie (Neue Folge). 1914. T. 69. S. 1-3; ALBERT G. Goten in Konstantinopel... S. 72.

«варваров» как тактический ход Гайны[25] (Zosim., V, 18.10; 19.1; Socrat., VI, 6; Sozom., VIII, 4.14)]. Примечательно также, что ὁ Σκύφης возражает Тифону (призывающему его к насилию над горожанами-«египтянами»), объявляя о своем уважении к местным государственным институтам. Иными словами, «скифы» в «De providentia» отрицательны лишь постольку, поскольку являются инструментом тиранического правления Тифона. Видимо, правы те исследователи, которые замечают в трактате тенденцию, отчасти противоположную «антиварварскому» заряду «De regno»[26].

Если, однако, обратиться к теме «варваров» в контексте кризиса 399-401 гг., как его изображает Зосим (в труде которого этот кризис описан подробнее, чем в каком-либо другом из дошедших до нас источников), то обнаружится, что концептуально и содержательно указанная тема наиболее близка именно к «De regno». В самом деле, на протяжении своего обстоятельного повествования об авантюре Гайны автор «Новой истории», как и Синесий, ни разу не уточняет этнической принадлежности как «варваров», подчиненных самому Гайне, так и тех, кто был под началом Трибигильда. Более того, Зосим, в отличие от Синесия, даже не характеризует их как «скифов». Подобный прием историк применяет при упоминаниях «варваров» как сторонников узурпатора Прокопия, как противников и союзников императора Феодосия и во многих других сюжетах своего сочинения. И дело, наверное, не в слабом знании Зосимом (или некоторыми его источниками, например, Евнапием)[27] этнической карты внеимперского мира IV–V вв.[28] Когда «Новая история» (видимо, прежде всего вслед за Дексиппом)[29] повествует о вторжениях чужих народов в империю в III в., то этниконы как конкретного (бораны, готы, уругунды, певки, карпы, герулы и т.д.) так и общего, иногда – метонимического – плана («скифы») гибко дополняют друг друга. Термин «скифы» в этих

---

[25] Использовались издания: Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova / Ed. L. MENDELSSOHN. Lipsiae, 1887 (далее – Zosim.); Socrates' Ecclesiastical History / Ed. R. HUSSEY, W. BRIGHT. Oxford, 1893 (далее – Socrat.); Sozomenus. Kirchengeschichte / Hrsg. G.C. HANSEN. Berlin, 1971 (далее – Sozom.).

[26] См., например: ALBERT G. Goten in Konstantinopel... S. 75.

[27] PASCHOUD F. Introduction // Zosime. Histoire nouvelle / Texte ét. et trad. par F. PASCHOUD. P., 1971. T. I. P. XXXVI, LVIII, LXVIII-LXIX.

[28] О фактологических ошибках Зосима, часто слепо следовавшего за своими источниками, – в том числе об ошибках страноведческого и хронологического характера см.: RIDLEY R.T. Zosimus the Historian // BZ. 1972. Bd. 65. H. 2. P. 290-292, 293-300.

[29] MARTIN R.C. De fontibus Zosimi. Diss., Berlin, 1866. P. XXIX sq.; RAPPAPORT B. Hat Zosimus I, c. 1-46 die Chronik des Dexippus benutzt? // Klio. 1901. T. 1. S. 427-442; PASCHOUD F. Introduction. P. XXXVII-XL.

случаях четко поглощает конкретные этниконы и служит, как правило, синонимом термину «варвары» (См., например: Zosim., I, 20.1, 23.1-3, 26.1, 27.1, 28.1, 30.1, 31–32, 33.3, 34 – 35.1, 36.1, 38.1, 42.1, 43 – 44.1, 45.1). При описании событий в правление Феодосия, а затем – в царствование его сыновей подобная закономерность в употреблении этниконов почти исчезает. Термин «варвары» становится в повествовании Зосима чуть ли не абсолютно господствующим этниконом, обретая (почти как у Синесия) политико-публицистический заряд.

Прежде всего, бросается в глаза что «варвары», заключившие союз с империей или служащие в римской армии, как правило, отделяются Зосимом от Ῥωμαίων τάγματα (Zosim., IV, 7.1) и τῶν στρατιωτῶν. Император Феодосий, начиная сражение с узурпатором Евгением, решил в первую очередь «рискнуть» подразделениями, состоящими из союзных варваров (Zosim., IV, 58.2). Аларих, формально – союзник империи, оказывается недоволен тем, что командует не στρατιωτικῶν δυνάμεων, а только варварами, «которых ему как-то передал Феодосий, когда уничтожил вместе с ним тиранию Евгения»(Zosim., V, 5.4). Стилихон, высадив десант на Пелопоннесе и отбросив Алариха к Фолое, позволил своим солдатам грабить «оставленное варварами» (Zosim., V, 7.2). У Трибигильда в подчинии находились не «римские конные отряды», а «испомещенные во Фригии варвары» (Zosim., V, 13.2). Тот же Трибигильд вблизи Геллеспонта «силой брал в плен всякий город, уничтожал всех жителей вместе с солдатамн, и ни один варвар не был союзником римлян» (Zosim., V, 15.1). Аналогично поступали состоявшие из варваров подразделения, посланные Гайной в помощь Трибигильду для борьбы с магистром Львом: они «вступали в бой с любыми из римлян и разграбляли область; солдат же они уничтожали» (Zosim., V, 17.1). Оказавшись во Фракии, Гайна распорядился рассредоточить «по другим местам» τοὺς ὑπ' αὐτῷ τεταγμένους στρατιώτας ἄλλους, ранее расквартированных в Константинополе, а варварам тайно приказал быть готовыми к нападению на город, «лишенный защиты со стороны солдат» (Zosim., V, 18.10). Наконец Зосим подчеркивает, что магистр Фравитта противостоял варварам Гайны, получив под свое начало солдат, которых «тщательно обучал непрерывными упражнениями и до такой степени укрепил этой практикой, что они уже не переносили наряду с праздностью и неслаженность, которые Гайна полагал неизбежными на войне» (Zosim., V, 20.2).

Но наиболее яркое противопоставление римских подразделений, состоящих из τῶν στρατιωτῶν, и союзных варваров содержится в рассказе о конфликте Геронтия, командующего гарнизоном городка Томы ἐν τῇ

κατὰ Θράκην Σκυθίᾳ, с оказавшимися под городом варварами, «отошедшими по знатности своего происхождения под начало императора» Феодосия (Zosim., IV, 40). Зосим подчеркивает, что эти варвары получали от императора «содержание, большее, чем у солдат, и другие подарки», а платили «презрением к начальникам и пренебрежением по отношению к солдатам». В ходе конфликта, согласно «Новой истории», Геронтий в одиночку выступил «против необузданности и нахальства варваров», собравшихся напасть на город. Солдаты некоторое время наблюдали за схваткой со стен, но затем, восхищенные подвигами командира, «вспомнили прозвание римлян» и присоединились к нему. По Зосиму, Геронтий победил варваров «превосходством мужества и величием души». Примечательно, что в начале этого рассказа подчеркнуты другие его положительные качества: Гернтий – «муж, достаточный и крепостью тела и заботой в отношении всякого воинского дела». Но там же подмечено, что его противники, варвары, выделялись «добрым ростом тел» и мужеством. Нетрудно заметить, что, во-первых, данное обстоятельство придает еще больше позитива поступку Геронтия (кстати, крайне отрицательно воспринятому Феодосием, к которому автор «Новой истории», как известно, весьма критичен). Во-вторых, у Зосима это чуть ли не единственный случай, когда «варвары», которых он обычно рисует черными красками, почти не признавая полутонов (исключение – его оценки немногочисленных военачальников, типа Фравитты, весьма преданных империи), обладают хоть какими-то положительными чертами (да и то упомянутыми для пущей славы героя-римлянина). И в третьих, самое главное – набор позитивных качеств Геронтия и набор как отрицательных, так и положительных черт его врагов напоминает оценки, даваемые Синесием в «De regno» коварным варварам, находящимся на службе империи, а также – абстрактным политическим деятелям, способным противостоять этой опасности. Симпатии Синесия отданы тем полководцам, которые, «простые и безыскусственные», «ведут жизнь солдата» и своими подвигами заставляют врага думать о защите собственных границ. Киренец восхваляет древнегреческого стратега Эпаминонда за простоту нравов и отмечает, что «все организуется благоразумными и скромными людьми, а не заносчивыми и варварами» (De regno, 15,17). Негативные качества «скифов» преподнесены Синесием через характеристику их отношений с империей до и после адрианопольской катастрофы, особенно – через их реакцию на милосердную (по отношению к ним) политику Феодосия. Последний «наделил этих убийц римской землей», сделал их союзниками, гражданами – по «благородству и великодушию своей природы, но варвары не понимают добродетели». Варвары, по Синесию, – «невежественный

народ», «негодяи», «племя, рожденное для рабства» (De regno, 20, 21). Контраст перечисляемых киренцем качеств «скифов» с теми их свойствами, на которые указывает Зосим, однако, в том, что Синесий, вслед за Геродотом (Herod., I, 105), считает эти «племена» «одержимыми трусостью» (De regno, 21).

Примечательно, что в характеристике личных черт Гайны, даваемой Зосимом, присутствуют «пылкость и бешенство», «присущие варварам от природы» (Zosim., V, 14.4; ср.: 19.2). Уже в обстановке открытой войны с государством этот военачальник «сделался небрежным - за своим варварским рассудком» (Zosim., V, 21.2). Подчиненным ему подразделениям присуща «варварская алчность», которую он не мог насытить никакими дарами (Zosim., V, 13.1). Трибигильд, соучастник «заговора Гайны», назван в «Новой истории» отчаянным человеком, «совершенно готовым на всякое безумие» (Zosim., V, 13.2).

Конечно, в речи Синесия основным оппонентом «варваров» предполагается не какой-либо полководец, а император. Поскольку в литературе парадигма императорской власти (и особенно ее защитных по отношению к империи функций), представленная киренцем, в данном ключе проанализирована весьма основательно[30], то, вновь обращаясь к Зосиму, стоит обратить внимание на характеристику, даваемую им противостоянию императора и «варваров» именно в месяцы «заговора Гайны».

Роль василевса в данном конфликте оказывается, мягко говоря, совершенно не соответствующей призывам Синесия. Когда Аркадий получил известие о начале мятежа Трибигильда, «он не проронил ни слова об общем несчастии (ибо не был в состоянии охватить взглядом то, что должно делать, – будучи в высшей степени неразумным человеком), но предоставил все управление империей Евтропию», алчному praepositus sacri cubiculi, евнуху-временщику (Zosim., V, 14.1). Император, уже в разгар упомянутого мятежа и после неудач своих полководцев в борьбе с Трибигильдом, уступает требованию Гайны отрешить Евтропия от власти, заключает с Гайной соглашение и обменивается с ним клятвами (Zosim., V, 18.1,4). Зосим не сообщает о сути соглашения; по мнению Г. Алберта, речь могла идти о посредничестве Гайны между Трибигильдом и императором в переговорах о временном прекращении военных действий, гарантией чего было именно смещение Евтропия[31]. В даль-

---

[30] Из последних фундаментальных работ см.: Roques D. Synésios de Cyrene et Cyranaique du Bas-Empire. P., 1987; Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. С. 156-160. Там же – литература вопроса.

[31] Albert G. Goten in Konstantinopel... S. 124.

нейшем Гайна требует от императора личной встречи и добивается ее (в Халкидоне); по новому соглашению, Гайна и Трибигильд получают возможность переправиться из Малой Азии в Европу, им выдают «на погибель выдающихся в политической деятельности мужей», Аврелиана, Сатурнина и Иоанна (Zosim., V, 18.6-8). В ходе кровавых событий в столице в ночь на 12 июля 400 г., когда часть варваров пыталась найти убежище в церкви, император «посоветовал здесь же и истребить их» (Zosim., V, 19.4-5). Зосим подчеркивает в связи с этим, что хотя в результате варваров уничтожили, «у истовых христиан считалось, что в центре города осмелились на величайшую гнусность» (Zosim., V, 19.6). В сообщениях о назначении Фравитты полководцем для борьбы с Гайиой, о даровании тому же Фравитте звания консула император выглядит просто нейтрально, как функционер (Zosim., V, 20.1, 21.6). Но при характеристике удручающей обстановки во Фракии уже после гибели Гайны и, в связи с этим, – при общей характеристике дел в империи, Аркадий получает у Зосима уничтожающую оценку: «государство управлялось без всякого разумения, так как император был лишен рассудительности» (Zosim., V, 22.3).

Несходство парадигм поведения императора в обстановке конфликта с варварами в последние годы IV в. (по тому, как эти парадигмы представлены Синесием и Зосимом), конечно, может объясняться многими причинами. Труды Синесия и Зосима – совершенио разных жанров, с разными задачами, порождены разной социальной и политической обстановкой. И дело не только в том, что речь «О царстве» сочинялась и произносилась (пусть, возможно, не совсем в том виде, в каком позже была опубликована)[32] до июльских событий 400 г., а «Новая история» появилась, скорее всего, в конце V – начале VI в.[33] Приверженец позднеантичного язычества, ярый критик политики Константина I и Феодосия I, весьма положительно из императоров оценивающий, пожалуй, только Юлиана Отступника[34], бичующий коррупцию и произвол властей, ригорист Зосим мало похож на более гибкого Синесия, которого роднит, однако, с автором «Новой истории» не только глубокая эл-

---

[32] Ibid., S. 63-66.

[33] Cameron A.D.E. The Date of Zosimus' New History // Philologus. 1969. Vol. 113. P. 106-110; Ridley R.T. Zosimus the Historian... P. 280; Paschoud F. Introduction. P. 132-133.

[34] См.: Condurachi T. Les idées politiques de Zosime // Revista Clasica. 1941/1942. T. 13-14. P. 115-127; Kaegi W.E. Byzantium and the Decline of Rome. Princeton, 1968. P. 117-119; Козлов А.С. Социальные симпатии и антипатии Зосима // АДСВ. 1978. Вып. 15. С. 30-31, 38-39.

линская образованность, но, прежде всего, отчаянная защита позднеантичного полисного строя[35].

В этом отношении примечательны исполненные глубокой горечи описания Зосимом разорения городов и убийств их жителей, совершаемых варварами Алариха, Трибигильда и Гайны[36]. Недаром при описании планов Гайны, направленного для борьбы с Трибигильдом, Зосим, отметив, что «замышленное им непременно пришло бы к осуществлению, и была бы захвачена вся Азия, и не было бы ничего, мешавшего тому, чтобы вместе с ней была погублена Восточная империя», торжествующе добавляет: «Однако ... судьба пока желала сохранить полисы для власти римлян» (Zosim., V, 14.3-4).

Таким образом, неизбежен переход к сравнению позднеаитичных трактовок мотивов «заговора Гайны» как составного элемента места «варваров» в «Хрониконе» Марцеллина и в тех трудах, которые в изображении данного сюжета составляют ряд литературно-политической традиции, представленной этим сочинением. Если Марцеллин пишет лишь о подготовке Гайной «гражданской войны», не вдаваясь в причины «заговора», то Зосим (на это обратили внимание уже давно) в самом начале своего повествования об этом кризисе четко указывает, что Гайна был недоволен своим военным рангом, оказался неспособным насытить дарами «варварскую алчность» некоторых подчиненных ему воинских подразделений и завидовал «всяческим благам, притекающим в дом Евтропия» (Zosim., V, 13.1). Согласно «Новой истории», его действия, едва он вступил в коитакт с мятежником Трибигильдом, могли привести к захвату Малой Азии и краху всего Востока, – если бы не воля ἡ τύχη (Zosim., V, 14.4). Зосим неоднократно указывает, что Гайна долго держал в тайне свои замыслы по использованию в личных целях восстания Трибигильда, «представлялся удручаемым по поводу несчастий римлян», говорил, что «имеет преимущество более в разуме и сметливости, нежели в воинской силе», оказав, между тем, помощь мятежникам после поражения под Селгой (Zosim., V, 13.2, 14.3-5, 15.2-3, 16.5, 17.1-2). В своих посланиях к императору и сенату Гайна крайне преувеличил успехи Трибигильда, склоняя власти к уступкам. «Гайна затевал это, желая сам, как предполагал, остаться незамеченным, и предпочитая с помощью деяний, приписываемых Трибигильду, взять-

---

[35] Козлов А.С. Социальные симпатии... С. 39; Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. С. 160, 169-171.

[36] См. об этом: Козлов А.С. Некоторые аспекты «проблемы варваров» в «Новой истории» Зосима // АДСВ. 1977. Вып. 14. С. 53-55.

ся за осуществление дел, бывших на уме у него самого» (Zosim., V, 17.4). Получение Евтропием звания консула и ранга патрикия «особенно побудило Гайну на ниспровержение государственного устройства» (εἰς τὴν τῶν κοινῶν ἐπανάστασιν – Zosim., V, 17.4-5). Таким образом, цель Гайны, согласно Зосиму, обретает более грозные масштабы. После падения Евтропия для всех стало очевидно, что Гайна нацелен «на переворот» (εἰς νεωτερισμὸν – Zosim., V, 18.4). Добившись от императора выдачи ему Аврелиана, Сатурнина и Иоанна, распорядившись удалить из Константинополя часть воинских контингентов, Гайна создает для своих «варваров» условия для нападения на город и передачи ему «всей власти» (τὴν πᾶσαν ἐπικράτειαν – Zosim., V, 18.10). Только после событий в ночь на 12 июля 400 г. Гайна решает «открыто рискнуть войной против государства» (Zosim., V, 19.6), в которой потерпел полное поражение.

Таким образом, в повествовании Зосима планы Гайны претерпевают эволюцию – от стремления получить более высокий воинский пост и богатства до замысла совершить «переворот» и захватить «всю власть». Расплывчатость последних формулировок, как и довольно противоречивое описание действий Гайны по получению контроля над Константинополем[37], Зосима не смущает. Важно, однако, что подобная расплывчатость сродни неясности подчеркиваемого Марцеллином понятия civile bellum, хотя признаки именно «гражданской войны» в событиях, как их описывает Зосим, имеются.

Что касается темы «православной церкви», на которой делает акцент комит Марцеллин в рассказе о намерении «варваров» совершить «переворот», то в повествовании Зосима она хотя и присутствует, но занимает гораздо меньшее по масштабу место и, главное, обладает совсем иной смысловой нагрузкой. Для автора «Новой истории» описание истребления семи тысяч «варваров», пытавшихся найти убежище ночью 12 июля в ἡ τῶν Χριστιανῶν ἐκκλησία, наряду с прочим, является поводом подчеркнуть, что приказ императора перебить укрывшихся там вра-

---

[37] Demougeot E. De l'unité... P. 155-156; Albert G. Goten in Konstantinopel... S. 134-135. О маловероятной достоверности сообщений относительно попыток «варваров» (чуть ли не по инициативе самого Гайны) разграбить в городе меняльные лавки и поджечь императорский дворец (Socrat., VI, 6; Sozom., VIII, 4.11,12) см.: Ibid., S. 133-134. После Сократа и Созомена литературная традиция данных сюжетов была подхвачена в VII в. Иоанном Антиохийским (Ioanni Antiocheni Fragmenta // FHG. Vol. IV. P. 611 (frg. 190)), а версия о нападении на дворец, параллельно этим православным церковным историкам, – сообщена арианином Филосторгием (Philostorgius. Kirchengeschichte / Hrsg. J. Bidez, F. Winkelmann. Berlin, 1972. P. 139.2-8).

гов и его исполнение для многих христиан выглядели как μέγα μύσος (Zosim., V, 19.5). Другие два сюжета при описании Зосимом кризиса, в которых упоминаются церкви, – сугубо нейтральны для конфессиональной проблематики. Из церкви, в соответствии с законом о праве на убежище, извлекается бежавший туда низложенный Евтропий (Zosim., V, 18.1). В церкви Евфимии-мученицы в Халкидоне встречаются для переговоров Гайна и император Аркадий (Zosim., V, 18.7).

О попытке Гайны получить в столице церковь для своих ариан-«варваров», о вмешательстве в кризис архиепископа Иоанна Златоуста и о ряде других связанных с «заговором» конфессиональных событиях, которым огромное внимание уделяют некоторые из позднеантичных церковных историков, Зосим не сообщает, как известно, ничего[38].

В «De regno» и в «De providentia» Синесия церковная тема также практически не затрагивается. Киренец обходит даже самый драматический момент в событиях 12 июля – истребление «варваров», искавших убежище в храме, – расплывчатой метафорической фразой: «скифов» в городе «выкурили как ос» (De prov., II, 3).

Не говорит Синесий и о намерениях «полководца, одетого в звериные шкуры», а в ином случае надевающего тогу поверх грубого плаща и беседующего с магистратами об общественных делах (хотя, повторим, намек на Гайну здесь совершенно определенен). Оратор лишь указывает на опасность, исходящую от подобных людей и потому требует, прежде всего, исключить их из сената и закрыть им доступ к высшим должностям (De regno, 20). Как говорилось выше, предводитель «скифов» в «De providentia» – скорее инструмент в руках Тифона и его жены, используемый против Осириса-Аврелиана, нежели самостоятельно действующая фигура. Даже решение «скифов» уйти из города проистекает, по Синесию, из паники (φυγῇ φεύγοντες – De prov., II, 1), а не из какого-то коварного плана их предводителя, как утверждают Зосим, Сократ и Созомен.

С другой стороны, в «De regno», как известно, опасность, исходящая от варваров, находящихся в империи либо в качестве рабов, либо в качестве союзников (особенно – в составе армии), – вполне реальна[39]. Однако раскрывается она, как правило, в уклончивых ритори-

---

[38] О противостоянии историографической традиции, представленной Зосимом (традиции, уделяющей слабое внимание событиям христианской и церковной жизни, критично настроенной к христианству), тенденциям складывающейся «священной истории» см.: Petre Z. La pensée historique de Zosime // Studii clasice. 1965. T. VII. P. 265 sq.

[39] Ср.: Straub J. Die Wirkung... S. 215-216; Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. С. 152-153.

ческих формулировках. С одной стороны, по Синесию, «они бросятся на нас, когда почувствуют, что могут сделать это с успехом». С другой стороны, принимать предупредительные меры надо «прежде чем дело дойдет до этого, до чего отчасти и дошло» (De regno, 19). Более того – «теперь дело идет не о начатом только двумя людьми, презревшими всех богов, возмущении, но о полностью вооруженных ... кровожадных ордах, допущенных к нашему несчастью в империю, имеющих своих вождей, которым дарованы высочайшие должности» (De regno, 20). Если под некими «двумя людьми», начавшими «возмущение», иметь в виду Трибигильда и Гайну, а приобретение речью Синесия ее окончательного вида датировать временем после казни Евтропия (скорее всего – концом 399 г.)[40], то актуальность двух последних процитированных пассажей хотя и выглядит несомненной, но ни в коей мере не раскрывает целей «варварских» предводителей. Более того, поскольку оба пассажа контрастируют с фразой «они бросятся на нас...» (т.е. глагол употреблен в будущем времени), то резонно предположить, что успех «варваров» все-таки представлялся Синесию проблематичным, ибо явно не большинство из них оказалось в составе упомянутых «кровожадных орд».

Таким образом, не пытаясь даже обозначить замыслы предводителей «варваров», Синесий, в сравнении с Зосимом, резко снижает уровень драматизма кризиса. Однако характер преподносимого киренцем материала еще больше, чем у Зосима, лишает кризис признаков civile bellum.

Следовательно, оба автора далеки от литературно-политической традиции толкования событий 399–401 гг., представленной комитом Марцеллином.

Теперь сравним интересующие нас пассажи «Хроникона» с соответствующими сообщениями Сократа Схоластика, Созомена и Феодорита. Предварительно отмечу, что эти авторы, во-первых, как бы заполняют цезуру в развитии традиции описания «заговора», представляемой Синесием и Зосимом: если «De providentia», скорее всего, была обнародована после возвращения Синесия из Константинополя на родину, т.е. после 402 г.[41], а Зосим писал «Новую историю» на рубеже V–VI вв., то «Церковная история» Сократа возникла примерно в конце 30–40-х гг.[42],

---

[40] См. прим. 15.

[41] См.: Albert G. Goten in Konstantinopel... S. 26-27, 78.

[42] См.: Chesnut G.F. The First Christian Histories: Eusebius, Socrates, Sozomen, Theodoret and Evagrius. 2. Ed. Macon (Ga), 1986. P. 175; Urbainczyk T. Soc-

почти параллельно с ней, но, видимо, все-таки чуть позже (но в те же 40-е гг.) появилась «Церковная история» Созомена[43], и, наконец, целесообразнее всего датировать второй половиной 40-х гг. V в. составление «Церковной истории» Феодоритом[44]. Во-вторых, их рассказы о «заговоре» (как и подавляющее большинство эпизодов их «церковных историй») представляют из себя самостоятельные, вполне законченные сюжеты, жестко ограниченные специальными разделами (Socrat., VI, 6; Sozom., VIII, 4; Theod., V, 32, 33).

При чтении в упомянутых «церковных историях» разделов, касающихся «заговора», сразу же бросается в глаза, что термин «варвары», обозначающий иноземных носителей враждебных действий против государства, у всех трех церковных историков является господствующим. Даже Гайна у Сократа и Созомена «по происхождению» прежде всего – «варвар», а то, что он – гот, уточняется как бы мимоходом: у Сократа – при замечании, что Фравитта «был также гот», у Созомена – при описании начала «заговора», когда Гайна призывает «единоплеменников своих, готов, из их стран»[45].

Только у Феодорита сразу же говорится, что Гайна по происхождению – «скиф», хотя тут же добавляется – «да и по чувствам сердца варвар» (Theod., V, 32.1). Термин «готы» в этом сюжете у историка отсутствует, хотя в разделе, композиционно расположенном чуть выше и повествующим о появлении в Константинополе арианского храма, этноконы «скифы» и «готы» оказываются синонимичными (Theod., V, 30). Соответственно, и те «скифы», «стоявшие лагерем у Истра», о душев-

---

rates of Constantinople: Historian of Church and State. Ann Arbor (Michigan), 1997. P. 19-20; Кривушин И.В. Ранневизантийская церковная историография. СПб., 1998. С. 17.

[43] См.: Croke B., Emmett A. Historiography in Late Antiquity: An Overview // History and Historians in Late Antiquity / Ed. B. Croke, A. Emmett. Sidney, 1983. P. 6; Кривушин И.В. Ранневизантийская церковная историография. С. 20-21.

[44] См.: Голубковский Н.И. Блаженный Феодорит, епископ Киррский. Его жизнь и литературная деятельность. М., 1890. Т. 2. С. 244-247; Chtsnut G.F. The Date of Composition of Theodoret's Church History // Vigiliae Christianae. 1981. Vol. 35. P. 245-252; Croke B. Dating Theodoret's Church History and Commentary on the Psalms // Byz. 1984. Vol. 54. P. 59-74; Baldwin B. Theodoret of Cyrrhus // ODB. Vol. 3. P. 2049; Кривушин И.В. Ранневизантийская церковная историография. С. 26. В статье использовалось издание: Theodoret. Kirchengeschichte / Hrsg.von L. Parmentier. Berlin, 1954 (далее – Theod.).

[45] Подобные параллели в характере изображения «заговора» вполне могут объясняться широким (хотя и весьма критическим) использованием со стороны Созомена труда Сократа. Ср.: Baldwin B. Sozomenos // ODB. Vol. 3. P. 1932-1933.

ном спасении которых озаботился Иоанн Златоуст (также самостоятельный эпизод, оказавшийся рядом с уже упомянутыми разделами, – Theod., V, 31), могут ассоциироваться у читателя с готами.

Подобная взаимосвязь термина «варвары» и этникона «готы» сродни словоупотреблению комита Марцеллина. Но еще больше сближает вышеназванных церковных историков и хрониста в рамках рассматриваемого сюжета внимание к теме ecclesiae nostrae.

Прежде всего, следует отметить, что Сократ и Созомен уделяют, как и Марцеллин, внимание истреблению варваров, попытавшихся найти убежище в церкви, и сожжению при этом самого храма. Правда, оба церковных историка указывают, что это был арианский, готский храм. (Попутно замечу, что эта деталь ничуть не противоречит повествованию Зосима, не уточняющего конфессиональной принадлежности сгоревшей церкви). С другой стороны, Сократ и Созомен пишут, что варваров перебили оставшиеся в городе императорские войска – по приказу василевса. Естественно, никакого святотатства в этом (очевидно, поскольку речь идет об уничтожении варваров-ариан, проявивших себя как враги государства) оба историка не видят.

У Феодорита, чей труд исходит из иной (в данном случае) источниковой традиции, подобного сюжета нет[46]. Центральная фигура в его раскрытии церковной темы в рамках соответствующего рассказа (как и эпизодов, с ним соседствующих, – Theod., V, 27-36) – Иоанн Златоуст. Правда, и в рассказе Созомена уделено почетное место константинопольскому архиепископу, который в императорском дворце в присутствии Гайны энергично противостоит просьбе варвара выделить его единоверцам-арианам одну из столичных церквей. Но у Феодорита подобное противостояние – основное в описании «тиранических замыслов» Гайны. Более того, в отличие от Созомена, Феодорит пишет также о прибытии Иоанна с посольством во Фракию к уже бунтующему Гайне и о трепетно-уважительном приеме, оказанном добродетельному священнослужителю со стороны варвара (Theod., V, 33.2).

«Церковная история» Сократа подобных эпизодов не содержит, более того – Иоанн Златоуст в его рассказе о мятеже Гайны даже не упоминается. Зато Сократ в качестве доказательства опеки Божьей по отношению к Константинополю пишет о защите императорского дворца от

---

[46] В историографии отмечается, что хотя Феодорит пользовался теми же источниками, что и Сократ, но посредничество последнего при составлении собственной «Церковной истории» ему вряд ли понадобилось. См.: Кривушин И.В. Ранневизантийская церковная историография. С. 27.

варваров Гайны отрядами ангелов «в виде вооруженных воинов величественного роста»; именно это заставило Гайну изменить план «заговора» и поспешить в храм апостола Иоанна, расположенный за стенами столицы. Созомен изображает это событие более реалистично – варвары пасуют перед «воинами огромного роста», охраняющими дворец, а не перед ангелами; удаляется же Гайна за город в церковь Иоанна Крестителя.

Наконец следует упомянуть, что и Сократ и Созомен пишут о встрече императора Аркадия и мятежного Гайны под Халкидоном в церкви Евфимии-мученицы.

Что касается конфликта Гайны и Иоанна Златоуста по поводу передачи «варварам»-арианам одной из столичных церквей, то, поскольку этот спор занимает ведущее место в рассказе Феодорита и является заметной составляющей в рассказе Созомена, имеет смысл обратить внимание на те его особенности, которые имеют отношение к теме конфессиональной чуждости «варваров», – в том виде, как эта тема преподнесена комитом Марцеллином.

Прежде всего, по Созомену, после соглашения с императором под Халкидоном и прихода Гайны в столицу свершилось «первое безумное дело» – получение «варваром» командования над пехотой и конницей империи. Следующее, что он задумал, – «возмущение кафолической церкви». Как следует из текста, форма этого «возмущения» – как раз просьба императору передать арианам один из столичных храмов. И только после неудачи подобной попытки Гайна задумывает «нарушить клятву и разорить город». Таким образом, по Созомену, конфессиональное столкновение приобретает решающее значение для драматического развития событий в Константинополе. Правда, историк не совсем уверен в мотивах борьбы Гайны за обладание арианами одной из церквей города: «варвара» или подстрекали сторонники учения Ария, или им руководило собственное честолюбие.

Феодорит намного смягчает описание поведения Гайны в этой ситуации, выставляя, однако, в качестве мотива его требования зараженность арианской ересью и гордыню (Theod., V, 32). «Варвар» в споре с Иоанном Златоустом прямо заявляет о принадлежности к иному конфессиональному сообществу и требует особого храма, ибо совершил для римлян немало воинских подвигов. Историк не связывает неудачу Гайны в споре о храме с «давно задуманным» им мятежом, который был начат «по прошествии некоторого времени». Отсутствие заостренного негативизма в оценках поступков «варвара» вполне соответствует крайне скупому описанию мятежа у Феодорита, акценту на почтительном приеме Гайной посольства Иоанна Златоуста и отсутствию в этой «Церковной

истории» какой-либо информации о подавлении мятежа и гибели Гайны. Иными словами, хотя рассказ Феодорита заметно отличается по уровню антиварварской настроенности от повествования Сократа и особенно Созомена – в рамках темы «варвары и православная церковь», – объем его внимания к подобной теме (в сравнении с объемом всего сюжета, связанного с Гайной и его «варварами») несравненно больше. Данное обстоятельство дает основание полагать, что со своим рассказом о «заговоре» труд Феодорита принадлежит к иной церковно-исторической традиции, нежели более близкие в этом друг к другу произведения Сократа и Созомена.

Вне сюжета о «заговоре», как уже упоминалось выше, термин «варвары» употреблен комитом Марцеллином только в эпизоде, рассказывающем о попытке неких варваров, «взлелеянных священным городом», поджечь одну из городских церквей (M.C.a.431.2). Из дошедших до нас источников перекличку с этим эпизодом можно найти только в одном из рассказов «Церковной истории» Сократа Схоластика (Socrat., VII, 33). Сократ уточняет, что речь идет о варварах, являвшихся слугами некоего жестокого вельможи и попытавшихся найти убежище в церкви. Они пробыли в храме много дней «с обнаженными мечами» и в конце-концов покончили с собой. Вся эта драма сопровождалась осквернением церкви: «варвары» проникли в алтарь, а потом одного из клириков убили, а другого ранили. Кощунственность поведения «варваров» для Сократа так же несомненна, как и для Марцеллина.

Итак, по уровню внимания к церковной тематике в рамках проблемы «варваров» и по содержанию соответствующих эпизодов Марцеллин оказывается намного ближе к традицни позднеантичных церковных историков, нежели к Зосиму и, тем более, к Синесию. «Варвары» Гайны для этих историков, как и для Марцеллина, это не просто мятежники, а ариане-еретики, которым дается должный отпор – и с помощью войска [в том числе – состоящего из ангелов (Сократ)] и с помощью добродетельного и непримиримого к еретикам пастыря, Иоанна Златоуста (Созомен, Феодорит). «Варвары» способны и на святотатство в пределах церковного убежища (Сократ). Но, точно так же, как у Марцеллина, негативная наполняемость идейно-политического соответствия «варвары = еретики = готы» у церковных историков не абсолютна. Особенно ярко это видно в преподнесении поведения Гайны Феодоритом, а также в характеристике одного из победителей Гайны – полководца Фравитты, хотя и «варвара», гота по происхождению, но «благонравного человека и доблестного вождя» (Созомен), совершившего «важные подвиги» в ходе этой войны (Сократ).

Что касается civile bellum как явления, характеризующего действия Гайны и «его варваров», то и здесь церковные историки являются предшественниками «Хроникона». Наиболее жестко о намерениях «варвара» пишет Феодорит, согласно которому, Гайна – φρονήματι τυραννικῷ κεχρημένος, человек, у которого сам император разглядел τὴν μελετωμένην τυραννίδα (Theod., V, 32.1). У Сократа и Созомена взгляды на замысел Гайны сходные, но чуть менее определенные, чем у Феодорита. С одной стороны, по Сократу, Гайна повел свою армию вроде бы на Трибигильда, а на деле – «для целей задуманной тирании». С другой стороны, Сократ говорит, что «варвар» старался ὅπως ἄν ὑφ' ἑαυτῷ τὰ Ῥωμαίων ποιήσειε. Согласно Созомену, Гайна ἐπεχείρησε τὴν Ῥωμαίων ἀρχὴν ὑφ' ἑαυτὸν ποιεῖν, а после драматических событий в столице в июле 400 г. замышляет перейти Геллеспонт, предполагая, что, овладев Малой Азией, легко подчинит «все народы Восточной империи». Правда, у Созомена, как уже отмечалось выше, есть при описании уступок императора, сделанных Гайне, одна примечательная оговорка: получение «варваром» власти над пехотой и конницей империи (т.е. должности презентального магистра)[47] – это «первое безумное дело», «свершившееся согласно его желаниям».

Из раннесредневековых авторов, чьи сюжеты восходят к подобной позднеантичной политико-литературной традиции[48], наиболее близкая Феодориту формулировка стремлений Гайны содержится у Иоанна Антиохийского, согласно которому «варвар» намеревался

---

[47] См.: DEMANDT A. Magister militum. Sp. 733-736.

[48] Я не анализирую здесь весьма сложные по генезису и путаные по содержанию сведения о «заговоре», дошедшие в версиях Малалы, «Пасхальной хроники», Кедрина и т.д., поскольку они воспринимали лишь отдельные сегменты позднеантичной традиции, а потому заслуживают специального разбора. Отмечу лишь, что мотив тиранических намерений Гайны в некоторых из этих версий выражен весьма сильно. См., например: «Γαϊνὰς ἐτυράννησεν ὁ συγκλητικός, θέλων βασιλεῦσαι. καὶ κατέφθασεν ὁ Ἀρκάδιος ἐν Κωνσταντινουπόλει καὶ ἐφόνευσε τὸν τύραννον Γαϊνάν» (Ioannis Malalae Chronographia / Rec. L. DINDORF. Bonnae, 1831. P. 348.18-20); «Τῷ η΄ ἔτει Γαϊνᾶς τυραννεῖ κατὰ Ἀρκαδίου, καὶ πολλὰ κακὰ τῷ Βυζαντίῳ ἐπεδείξατο» (Georgius Cedrenus Ioannis Skylitzes ope. Bonnae, 1838. Vol. I. P. 574.21-22). Примечательно, что «Пасхальная хроника», не сообщая ничего о намерениях Гайны, пишет лишь о торжественной доставке его головы, упоминая чуть выше некую резню, устроенную готами ἐν τῷ Λαιμομακελλίῳ(?), и поджог ἡ ἐκκλησία τῶν Γότθων σὺν πολλῷ πλήθει χριστιανῶν (Chronicon Paschale / Rec. L. DINDORF. Bonne, 1832. Vol. I. P. 567.12-14, 18-19).

управлять войсками таким образом, чтобы «завладеть самой императорской властью»[49].

Такого рода суждения, восходящие, скорее всего, к актуальной полемике времен «заговора»[50] и находящие параллель в приписывании варварским вождям, вторгавшимся в империю, плана всеми средствами строить римлянам козни до тех пор, «пока не завладеют всей их страной»[51], скорее всего, являлись отражением достаточно распространенного топоса[52]. Однако к более здравой трактовке намерений Гайны, высказанной Зосимом, и к осторожным, хотя и риторически сильным (даже близким к истерике) высказываниям Синесия в «De regno» такой топос имеет слабое отношение.

Что касается Феодорита, то он, будучи сосредоточен в рассматриваемом сюжете прежде всего на фигуре Иоанна Златоуста, лишь в самых общих словах пишет о «давно задуманной тираиии» Гайны, о каком-то его «замысле» (γνώμη), которого боялись «начальствующие и подчиненные» (ἄρχοντες καὶ ἀρχόμενοι) в империи (Theod., V,32.9), – причем именует его «великодоблестным человеком» (τὸν μέγαν ... ἀριστέα), которого, однако, не побоялся архиепископ Иоанн (Theod., V, 33.2).

Противостоит Гайне и «находящимся с ним» «варварам», согласно Сократу, прежде всего император Аркадий. С одной стороны, он – жертва обмана Гайны, т.к. охотно согласился на его экспедицию во Фригию. С другой – после того, как варвары стали разорять страну, Аркадий пускается на хитрость (?) и посылает к Гайне послов с готовностью уступить. Император – человек слова (и за это любим Богом), он соблюдает клятву, данную Гайне после встречи в Халкидоне, – в то время как «варвар» нарушает договор. Воспользовавшись неким «спасительным советом» император (когда в Константинополе уже произошло «страшное смятение») объявляет Гайну врагом государства, а затем посылает вслед за бежавшим «варваром» во Фракию войско.

У Созомена значение Аркадия в ходе конфликта намного меньше. О том, что именно император разрешил Гайне экспедицию в Азию, ис-

---

[49] Ioanni Antiocheni Fragmenta. P. 611 (frg. 190).

[50] См.: ALBERT G. Goten in Konstantinopel... S. 61. Anm. 240, 87. Anm. 3.

[51] Eunapii Sardiensis Fragmenta // FHG. Vol. IV. P. 41 (frg. 60); ср. со словами, приписываемыми королю вестготов Атаульфу, – о его первоначальном намерении, уничтожив Римскую империю, превратить ее в Готию (Pauli Orosii historiarum adversus paganos libri VII / Ex rec. C. ZANGEMEISTER. Lipsiae, 1889. VII, 43.2-8).

[52] См.: STRAUB J. Die Wirkung... S. 212 u. folg.; LIPPOLD A. Rom und die Barbaren in der Beurteilung des Orosius. Diss., Erlangen, 1952. S. 64.

торик не пишет ничего. Лишь после начала мятежа Аркадий со своими приближенными приходит к выводу, что опасно без основательной подготовки вести борьбу с отчаявшимися людьми и идет на уступки – шлет к Гайне посольство, встречается с ним под Халкидоном, делает его начальником пехоты и конницы, выслушивает его просьбы об организации арианской церкви в столице (чему помешал лишь Иоанн Златоуст). Но после начала избиения «варваров» в Константинополе император (здесь Созомен солидарен с Сократом) объявляет Гайну врагом.

И Сократ, и Созомен представляют описываемый кризис как противостояние, наряду с прочим, между «варварами» и римлянами. По Сократу, после появления войска Гайны во Фригии римляне устрашились численности его «варваров» и угрозы для богатых восточных провинций. После первой неудачной атаки на императорский дворец в столице Гайна вспоминает, что большая часть «римского войска» в городе отсутствует. План, составленный им после этого, представляется Гайне «гибельным для римлян». При переправе «варваров» Гайны к Лампсаку «римляне, удобно плавающие на кораблях», истребили многих из них. Фравитта, воевавший с Гайной, «пользовался великим расположением римлян».

Созомен, начиная рассказ о Гайне с характеристики его варварского происхождения, пишет, что тот в свое время «перебежал к римлянам». Именно на это, наряду с прочим, указывает мятежнику во время спора с ним Иоанн Златоуст, напомнивший также о клятве «варвара» императору Феодосию «благоприятствовать римлянам». В открытой войне с Гайной, согласно Созомену, «римляне пользовались Божьей помощью».

У Феодорита такого рода противопоставление при описании кризиса не констатируется, что можно рассматривать как еще один способ историка смягчить τὴν πάλαι μελετηθεῖσαν ... τυραννίδα (Theod., V, 32.8) по ее уровню.

В целом, и это очевидно, и Сократ и Созомен представляют в рассматриваемом сюжете противостояние «варваров» и «римлян» как явление очень важное, но вполне рядополагаемое противостоянию «варваров»-ариан и православной церкви, на прерогативы которой такие «варвары» способны покуситься. В констатации подобной возможности к своим коллегам по жанру присоединяется Феодорит. Подобный подход к материалу вполне созвучен манере комита Марцеллина, но совершенно чужд Синесию и Зосиму, для которых главное в изображении «величайшей опасности для империи» – противоборство «римского» и «варварского».

Можно сделать вывод, что в дошедших до нас позднеантичных произведениях содержатся по крайней мере две основные традиции описания «заговора Гайны», точнее – одного из важных звеньев политического

кризиса конца IV в. в Восточной Римской империи. Одна из них представлена трудами Синесия и Зосима, которые при всех своих жанровых, информативных, идейно-политических и прочих различиях, так или иначе, сходятся или стоят близко друг к другу по основным параметрам изображения кризиса. Обезличенность термина «варвары», несопрягаемость их с «готами» – один из важнейших таких параметров, позволяющий жестко противопоставлять все «варварское» (как в классической античности) римскому, полисному миру. Основные показатели содержания «варварского» фактора в описаниях кризиса конца IV в. у Синесия и Зосима также весьма сходны. Разница лишь в том, что если для Зосима «заговор» – не просто жестокая реальность, но и реальная опасность самому существованию империи, то у Синесия (особенно в «De providentia») последнее обстоятельство явно не выражено, – и Зосим, таким образом, оказывается пишущим (в рамках противопоставления «варваров» и античной цивилизации) более в духе Евнапия, а Синесий – Фемистия, уверенно говорившего о возможностях и плодотворности привлечения укрощенных «варваров» на пользу империи[53]. Отсутствие серьезного внимания к «церковной» составляющей описываемой смуты еще больше усиливает античные черты в трактовке кризиса Синесием и Зосимом.

Сократ, Созомен и Феодорит в рассматриваемом случае, в отличие от киренца и автора «Новой истории», идентифицируют «варваров» и готов, хотя понятию «варвары» отдают предпочтение. Но негативизм в наполнении этого понятия у церковных историков, как позже – у комита Марцеллина, не абсолютен (описание Феодоритом поведения Гайны перед Иоанном Златоустом, оценка Фравитты у Сократа и Созомена). Огромное внимание к «церковному» аспекту в описании ими «заговора» и поведении «варваров» создает видимость в усилении противостояния римского (кафолического) и «варварского» (еретического) начал. Но такое противопоставление уже не столько позднеантичное, сколько имеющее тенденцию к медиевальному, особенно ярко выраженное Феодоритом в демонстрации глубочайшего почтения Гайны к Иоанну Златоусту и в отсутствии (в связи с подобным поворотом сюжета ?) описания краха «заговора». В целом по набору основных признаков описания «заговора» церковные историки V в. демонстрируют иную литературно-историческую традицию, нежели та, которую отражают сочинения Синесия и Зосима. В рамках церковно-исторической традиции изображения «варваров» и их «заговора» несколько иное направление, отличающееся

---

[53] Themistii Orationes quae supersunt / Ed. G. Downey. Lipsiae, 1965. Vol. 1 (Or. X, 131; XVI, 211-212).

от линии Сократа и Созомена, олицетворяет (по ряду показателей рассказа) Феодорит. Именно к данной традиции по содержанию и смыслу своего рассказа о «варварах» принадлежит, завершая ее, комит Марцеллин, тяготея в ее границах, на мой взгляд, к направлению Сократа и Созомена. В рамках же сугубо позднеантичной, ярко выраженной позднеполисной традиции, Синесий и Зосим в своей оценке «заговора» оказываются, каждый сам по себе, представителями также разных направлений.

A.S. Kozlov
Ekaterinburg

DIE «BARBAREN» DES KOMES MARCELLINUS IN DER HISTORISCHEN TRADITION VOM 5. BIS ZU BEGINN DES 6. JH.S

Die Nachrichten des östlichen lateinischen Chronisten des 6. Jh.s Marcellinus über die «Barbaren» dienten in erster Linie der Hervorhebung des Unterschieds zwischen ihnen und dem Reich in puncto Religion und können aus diesem Grund in Zusammenhang mit Berichten dieser Art bei Zosomenos, Sokrates Scholastikos und Theodoret von Kyrrhos gesehen werden, während sie sich von der Darstellung der «Barbaren» durch Synesios von Kyrene und Zosimos im Hinblick auf die Ereignisse gegen Ende des 6. Jh.s unterscheiden.